

Игры с вечностью

Илья ВАСИЛЬЕВ

Закат Европы

ЗАКАТ ЕВРОПЫ

Трагико-сатирическое обозрение

На наших глазах разворачивается великая историческая драма – поглощение одной цивилизации другою, пришлой. Примерно таким образом размножаются некоторые насекомые-паразиты, откладывая свои яйца в тела живых насекомых-реципиентов. Развиваясь внутри, подсаженные личинки заживо поедают свои жертвы.

В настоящее время исламские народы активно заселяют западную Европу и европейцы хотели бы им сопротивляться, но личина толерантности намертво приклеилась к ним. Как они ведут себя в новых изменившихся общественных условиях? Ниже приводятся национальные европейские стереотипы поведения.

Англичане

Их индивидуализм беспределен и не терпит вмешательства, но уважает чужой индивидуализм до тех пор, пока тот уважает их. Но тут англичан ожидает фиаско, т. к. исламский менталитет далек от индивидуализма и уважения одного в другом.

Но англичане недовольны. Они хотели бы выгнать из «старой, доброй Англии» новых мигрантов вместе со старыми, но что-то мешает им это сделать. Вероятно, боязнь нарушить приличия, что для британцев хуже, чем преступление. Да, они смогли бы решиться на этот шаг, если бы не давняя приверженность приличиям.

Французы.

Основная их беда в привычке ловить момент и жить чувствами. По этой причине они с трудом связывают прошлое и будущее, причины и следствия. Они обаятельны, милы и непосредственны. Но против мрачных хиджабов эти достоинства ничего не стоят. Последние, напротив, совершенно не милы, даже уродливы, зато вечны и за ними будущее, поскольку они совсем не зависят от перемены настроения. Их настроение всегда одно – мрачная решимость. Их сила в том, что они год за годом неутомимо производят новых фанатиков и потому их шествие по Европе чем дальше, тем больше превращается в марш победителей. Пройдет совсем немного времени и хиджабы навсегда прихлопнут милый ламур-тужур, причем сделают это мимоходом.

Немцы

Нормальный немец спит и видит, что живет в стране идеального порядка. Порядок – голу-

бая мечта нормального немца, его навязчивая идея. Но как нормальный человек, немец проводит во сне, к сожалению, всего треть жизни. Просыпаясь, он своими глазами видит, что его родина чем дальше, тем больше становится воплощением ночных кошмаров. Он ясно понимает, что причина нарастающего домашнего хаоса – мигранты, в нем просыпается арийская идентичность и национальная гордость, глубоко затоптанная и подавленная за семьдесят лет прошедших после войны. Но затем чувство национальной вины, привитое современному немецкому обществу, грубо заталкивает гордость и достоинство в ту потаенную дыру, где они прозябали. И немец терпит и молча страдает, надеясь на всемогущее государство.

Поляки

Центр самосознания поляков состоит в том, что они исторически обижены, причем поляки не замечают того, что сами долго и очень обижали тех своих исторических соседей, что были слабее их. А в это самое время и позже их обижали другие соседи. Такое самосознание насквозь лицемерно – ведь с одной стороны ему просто необходимо забывать то, что помнить невыгодно, а с другой стороны постоянно вспоминать то, из чего можно сделать всеевропейскую трагедию. Польшу и правда когда-то обижали Россия, Пруссия, Австрия и Швеция. Исторических поводов для обид достаточно у любой нации Европы, но польский феномен состоит именно в искусстве культивировать в себе комплекс обиженного, который требует возмещения.

Вот где собака зарыта! Обида требует сатисфакции, а потому поляки уже сотни лет просят, иногда, по возможности, требуют разного рода поблажек и подачек от соседей. Когда потоки мигрантов до отказа заполнят безгласную Германию, последняя попросит Польшу принять поток на себя. Что ответят немцам поляки? А что мы за это будем иметь?

Итальянцы

У любого народа есть сладкая мечта, предельно простая и понятная глупцу. Есть она и у итальянцев и состоит в том, чтобы жить большой дружной семьей, где царит «мамизм», культ матери, где все смеются, пьют вино, поют песни и любят друг друга, хотя иногда вынуждены и поработать, в противоположность немцам, которые иногда отдыхают.

Однако... черная волна исламских фанатиков ненавидит и жизнерадостный смех и вино, им ненавистны европейская гармония и их музэдзины гнусавыми криками способные отбить у

итальянцев настроение петь светлые песни, в то время как знойные джигиты поджидают в подъездах домов молодых итальянок, отцы которых живут на грани инфаркта.

Итальянцы совсем непохожи на англичан, у них кровь горячая, но они – тоже европейцы, а значит толеранты. Во что им сублимировать свою ярость? В самое привычное для них русло – в семью, а значит не будет больше ни любви, ни песен, ни смеха, без которых итальянец совсем непохож на самого себя.

Испанцы

Народ, в древности пылавший глубокой религиозной ненавистью к иноземным и неверным захватчикам-маврам, позднее пославший в Новый Свет самых активных и храбрых мужчин, потом пострадавший от последовавшего наплыва заокеанского золота, – кто бы знал, что дешевое золото это дорогие товары! – вероятно, оставил весь свой огонь в прошлом.

И вот не вовремя испанский народ стал уставшим стариком в самый важный период своей истории, когда пришли новые мавры, чтобы завоевать его страну. Теперь бы ему ушедшую молодость и пыл, сбросив тысячу лет. Тогда бы он легко вышвырнул новых мавров. Беда его в том, что вместо старой религии ему навязали новую, толерантность.

ХРОНИКИ ФИЛИСТЕРИИ

Эти записки когда-нибудь, быть может, найдут наши далекие потомки в развалинах наших городов и хроники позволят им понять причины гибели нашей цивилизации. Записи следуют не погодишно, но с пропусками, однако, дают представление о недавнем прошлом нашего общества в развитии, если о нем уместно говорить.

1990-й

По телевидению регулярно показывают съезды народных депутатов и большая часть взрослых зрителей, забыв о телесериалах, тупо смотрела говорильню. Они были горды тем, что вот так, косвенно, участвуют в жизни родной страны. Но в магазинах их настроение резко падало и они страстно жаждали перемен. А в это время на экранах телевизоров один за другим шли сериалы о несчастных «Изаурах» или о «плачущих» богачах, реклама корма для собак и кошек и, – совсем как за «бугром», – реклама женских прокладок. Дети должны это знать! Дали старт первым конкурсам красоты – мы не хуже!

1993-й

Все возле телевизоров и регулярно смотрят «Поле чудес», где царит современный зазывала, для нашего времени просто великий человек. Его обожает вся страна – он раздает миллионы, ради которых государство нарочно взяло кредит за рубежом. Ведь только в «чудесах» наше спасение! Зрители смотрят «поле», замерев от зависти и азарта, из раскрытых ртов капает слюна. Президент привычно обращается к зрителям, называя их «россиянами», что звучит в его устах как «земляне». Сам же он и его присные, безусловно, инопланетяне, ибо живут и творят такое, будто с Луны свалились.

В перерывах по «новостям» показывают восстание парламента и штурм «белого» дома, потом трупы раненых в коридорах, которых добились «бейтаровцы». Но это не трогает, это не так азартно как футбол-хоккей. Более всего тревожит стремительно падающий рубль и растущий курс доллара. Доллар прочно вошел в жизнь страны и многих свел с ума. На улицах замерзают бездомные, но ведь этого по ТВ не показывают! Оно показывает конкурсы красоты – ведь те так важны для экономики. А в это самое время трупы русских солдат на дорогах Чечни глодают собаки и дикие звери. Но этого не показывают.

1996-й

Обыватель сильно недоволен своей жизнью – где обещанный ему рай? Ваучеры оказались сыром в мышеловке, зато он видит выходящую роскошь немногих, разбогатевших в один год и до обывателя доходит все-таки, что эти немногие – просто воры. Он и завидует им, и ненавидит, а потому раздражение редко покидает его. Рубль по-прежнему падает, доллар дорожает, в Чечне гибнут русские солдаты по вине командования, зато в телевизоре по-прежнему царит лубимец всей страны, которому со всех концов «необъятной» как самому бедному везут дары. «Окна» в это время открыто пропагандируют чисто зоологические отношения полов и всю вытекающую из этого грязь.

Телевидение показывает всему миру трагедию Буденновска и, самое главное, торжественную церемонию переговоров премьера Черномырдина с главным террористом страны. Авторитет государства пал ниже плинтуса.

А чем занят в это время главный боров Филистерии? Тем, что у него получается лучше всего – пьет и рушит страну. А получается у него столь хорошо, что президент США для него «друг Билл». Он рвется порулить на второй срок, для чего можно подирижировать, попеть и станцевать подобно бегемоту. Обыватель понимает, что хуже борова уже быть никого не может и голосует за коммунистов. Однако, для избирательных технологий это не имеет никакого значения. Прогресс!

А в это время по разным каналам каждый день можно видеть эстрадных хохмачей-балагуров. Их слушают не оттого, что они гениальны и смеются не метким язвительным шуткам, которые часто бьют ниже пояса, но просто затем, чтобы набраться положительных эмоций, необходимых в серой неприветливой жизни.

2006-й

В Филистерии сменился главный начальник. Он прилично выглядит, умеет говорить и улыбаться, а это, как давно проверено на всех других президентах, самое главное. Вместо «домика» партией власти стали «едросы», но кадры, что важно, все те же и жизнь общества существенно не изменилась. Вместе с «домиком» с телеэкранов исчезли «Окна», но их место тотчас занял «Дом-1», так что «домик» ушел из политики в порнографию. Возможно, это одно и то же, возможно политика и порнография просто плавно перетекают друг в друга. «Приватизацию» обещали не пересматривать, но за рубежом все равно ежегодно уходит миллиарды долларов отечественного бизнеса.

Доллары крутятся в российской экономике, что поддерживает экономику США. Обыватель по привычке смотрит «Поле чудес», причем его смотрит уже следующее поколение и потому ждёт чудес от правительства. «Поле» незаметно вырастило целое поколение зрителей ему под стать. Их мир прост – деньги, потребление и отсутствие мысли.

А в это время продолжают умирать бездомные и беднейшие, пустеют деревни, курят женщины и дети и все почему-то на что-то надеются.

Системный анализ общества

Помимо биологической эволюции существует еще социальная и далее будут даны разъяснения о том, каковы ее особенности. Протекая по небиологическим законам социальная эволюция воздействует если не на биологию человека как вида, то на его психику, это можно доказать, если применить структурно-системный подход, проследив развитие общества на протяжении длительного времени.

Для начала необходимо сделать главное допущение – нужно рассматривать общество как живую развивающуюся систему. Точно так же логично рассматривать любой вид животных, несмотря на то, что как система общество на порядок сложнее. Но есть общие, базовые законы в обоих случаях. Их выражают понятия цели развития системы, ее функции и структуры.

Целью эволюции животного вида является максимальная его адаптация к окружающей среде. Результатом адаптации часто становится то функциональное и морфологическое совершенство животных, которым восхищаются любители природы. Совершенство выражается в силе и красоте движений животных. Здесь, как и в обществе, адаптация является функцией и эта функция строит структуру.

Теперь пора коснуться общества как усложненной живой системы, указав при этом на его главное и все определяющее отличие. Оно состоит в том, что человек как вид чем дальше тем больше адаптируется к искусственной среде, которую строит для себя все более основательно. В промышленно развитых странах эта среда практически отрезала горожан от природы и ее благотворного влияния. Главное отличие искусственной среды в том, что она не тренирует организм, попавший под ее влияние, но наоборот, его ослабляет. Стремление к роскоши, как родимое пятно нашей цивилизации, и комфорт, как признанное благо, эволюционно вредны и за тысячи лет существования такой искусственной среды они произведут многогранные разрушения в наших потомках.

Если сто лет назад, тем более ранее, эта самоизоляция человека ввиду технологической неразвитости была относительно незначительной и процент горожан, как самых изолированных был невысок, то теперь пришло время бить тревогу. Мы движемся по пути физической и психической деградации, с которого нас могут отвернуть лишь самые чрезвычайные и страшные исторические и общественные обстоятельства. Но характерно то, что сам путь, по которо-

му мы неотвратно движемся, опять подчинен законам зла, поскольку легок как всякое зло и тем привлекает слабых духом. Ничто не ново под луною и одна и та же уловка на протяжении долгой истории применяется бесчисленное число раз.

Если типичным субстратом общества является обыватель, а это факт, то само общество обязано выражать все его цели, соответствовать его характеру и исполнять его прихоти. Какова суть обывателя и в чем его мечта? Суть предельно простая: удовольствие везде, всегда и во всем. Целью самого его существования, – жизнью это не назовешь! – является регулярное и максимальное получение удовольствий. Хотя сам, вполне сознательно, обыватель этого может не понимать и не провозглашать как программу. Вот почему требованию связи с удовольствием подчинена вся современная общественная система и ее основной целью, основным полезным эффектом с точки зрения социологии является именно достижение максимального удовольствия. Разумеется не всеми, но теми, кто способен за них заплатить. Но посмотрим, как в данной системе отношений работает неизбежная и вездесущая адаптация и каков будет ее ожидаемый итог.

Для начала обратимся к теории эволюции, которая врет лишь относительно развития человека, поскольку не желает видеть недавно открытые факты, но в остальном она верна. Теория показывает нам основную движущую силу развития видов. Адаптация как механизм и есть та сила, тот стихийный процесс приспособления к среде любыми методами и средствами, через изменение морфологии, укрупнение или мельчание, благодаря развитию мозга, психики и общественного поведения. Ради выживания и идеального приспособления к своей природной нише все средства могут быть использованы вместе или только одно, но до предела. Лишь бы выжить и благоденствовать в своей нише. Целью изначально является не совершенствование вида! Вот почему адаптация не всегда приводит к усложнению и совершенствованию, но иногда к деградации. Адаптация как некий фильтр отмечает все лишнее и ненужное ради выживания.

Последнюю фразу можно считать выводом по поводу перспектив развития человечества в рамках существующей сейчас цивилизации. Любой вид как живая система, развивающаяся во времени, развивается либо в сторону эволюции, либо в сторону деволуции с большей или меньшей скоростью. Он эволюционирует лишь в жестких условиях среды, в результате внутреннего напряжения и выбраковки. Расслабленность, связанная с получением удовольствий, – признак мягких и комфортных условий, которые способны спровоцировать лишь физическую и психическую деградацию.

В полном согласии с принципом «удовольствия любой ценой», а цена в нашем случае просто масштабная! – уже сформированы современная буржуазная культура, искусство и мораль. Под стать себе общество вырабатывает виртуальную реальность, лишнюю жизненной основы, для чего заливает патокой все, вызывающее хотя бы неудовольствие. Наша реклама, наши «мыльные» телесериалы, наша эстрада насковзь слащавы, ибо это со-

ответствует вкусам обывателя. Патока – необходимая часть адаптации к искусственной среде, она хорошо маскирует неприятные факты вхождения в деградацию.

Всеобщая компьютеризация, которой ныне принято гордиться, уже окончательно завершила нашу виртуальную самоизоляцию. Она совсем не развивает интеллект, что уже доказано учеными, а тормозит его развитие на подростковом уровне. И популярные компьютерные игры для этого просто предназначены.

Можно подвести итоги магистральному направлению движения цивилизации. Ее цель открыто объявлена, она определила характер нашей общественной системы, ее функции и структуру. Социологическая функция нашей системы состоит в получении удовольствия всеми, у кого на то есть возможности, а последние определяются, как правило, финансами. Все остальные функции по закону систем подчинены главной. Такого общества как наше не найти в прежней истории. Были стремление к роскоши и громкие имена на этой ниве, но само явление не имело массового социологического характера. Структура нашего общества под влиянием функции в итоге изменилась во всех «передовых» странах современности. Нигде не публикуют полные статистические данные о том, какой процент населения у нас прямо или косвенно связан с индустрией развлечений, которую нельзя отнести к искусству. А здесь вся попкультура, где не только музыка и кинематограф, но вся спортиндустрия, индустрия моды и отдыха с туризмом, все виды азартных игр и многое другое. Несложно вычислить, что для обслуживания этого сравнительно недавнего общественного явления нужны десятки, может сотни миллионов людей по всему миру.

Уже есть зримые итоги на пути всеобщего и полного удовлетворения. Интеллект взрослых и детей в нашем обществе массово снижается именно в «развитых» странах. Фактов уже немало, но никто не хочет узнать причины.

Потому и стиль поведения наших чиновников, генералов и государственных деятелей стал слишком ребячливым и дурацким, чтобы этого не замечать. Стоит для смеха сравнить современных политиков с той знаменитой плеядой первой половины 20-го века, то возникает впечатляющий контраст. Как поставить в один ряд Оланда, Ельцина, Обаму, Меркель и Сталина, де Голля, Черчилля, Рузвельта? То были великие игроки, сыгравшие великую игру. Однако, разговор не о выдающихся, но о самом массовом человеке, субстрате.

Чем всем нам, вольным или невольным участникам описанного процесса угрожает всеобщая деволуция? Самое страшное следствие ее состоит в растущем разрыве между технологической мощью общества и уровнем развития субстрата. Он уже сейчас интеллектуально и культурно не соответствует выросшей технологии, а дальше будет только хуже. И опасность состоит даже не в том, что по уровню образования массовый субстрат не сможет участвовать в производстве будущего. Последнее в ближайшее десятилетие начнет осуществляться автоматически, под управлением немногих инженеров и техников с программами. А этих единиц, умных и образованных, нетрудно вырастить и

обучить, если вовремя их вырвать из толпы дикарей.

Опасность состоит в том, что вероятность допущения сумасшедшего к ядерной или иной кнопке в этих условиях возрастает сразу на порядок. Жить в столь потенциально опасном обществе – то же самое, что разводить костер в пороховом погребе. Уж лучше, в полном соответствии с уровнем субстрата, вернуться назад, к мотыге, лукам и копьям.

Идея «прогресса» в истории науки

В истории науки есть пример стремительного научного взлета в одной изолированной стране, которому сама современная наука не дала внятной и честной оценки. Этот исторический эксперимент провела над наукой сама история и потому все его результаты не могут быть подтасованы. Причина умолчания нашей наукой этого эксперимента в том, что этот эпизод разоблачает несостоятельность современной науки как социального института. Речь идет о краткой истории науки в Германии времен фашизма, но в данном случае идеология и политика вообще не будут рассматриваться.

Основные особенности науки под знаменем фашизма ставят под сомнение устоявшиеся методы, цели и механизмы европейской научной традиции. Но в чем ее особенность? Нужно понимать, что у нее темная, даже постыдная история. В средние века, когда науки существовали в зачаточном состоянии, гораздо худшем и низшем, чем в античности, церковь не просто контролировала их, но, можно сказать насильствовала. Самое неприятное наследие униженного состояния науки – это сохранившиеся в ней по сей день элементы схоластики и глубокий консерватизм. Эти наследственные болезни пронизали весь институт науки и сделали научный прогресс замедленным и однообразным, поставив под сомнение цели науки и итоги ее развития, т. е. сложившееся современное научное знание. Последнее несложно обосновать всем известными научными скандалами, прогрессивными в конце 20-го века. Было доказано, что дарвинизм оказался прав лишь отчасти в отношении животных и растений, но не человека, что давно доказали палеонтологи. Точно так же оказалось, что и марксизм как теория прав лишь отчасти, но не системно, то есть относительно критики капитализма он безусловно прав, но не смог дать ясной обоснованной теории коммунизма. Еще один провал – или диверсия! – марксизма в том, что он внушил всему миру идею социального детерминизма, которая говорит, что все сложившиеся исторически общественные формации естественны и объективны, и каждая следующая формация «прогрессивней» предшествующей. Но самое любопытное состоит в том, что Дарвин и Маркс, похоже, работали по одной кальке. Оба, каждый на своем материале, доказывали, что развитие и природы и общества идет строго от простого к сложному. Так они внедрили в общественное сознание центральную теперь идею прогресса, неумолимого, вездесущего и всемогущего как бог. Их усилия и учения не пропали даром, ибо идея прогресса в наши дни замени-

ла собою в общественном сознании идею бога. Это страшно, поскольку она еще даст многие катастрофические последствия. Ведь усвоенный всеми нами «прогресс» снимает с современного общества всякую ответственность за свои действия.

Между тем палеонтологи на артефактах из глубокой древности доказали, что прогресс не есть закон всякого развития, что в истории человечества, — а она на самом деле во много раз длиннее официально признанной, — были падения, возвраты и даже деградация. Но наша наука намеренно замалчивает факты этих отдельных частных исследователей, идущих против течения.

Но вернемся к феномену науки под знаменем фашизма. Тогда немецким ученым поставили вполне определенные практические задачи, в основном связанные с разработкой принципиально новой техники и вооружения и дали им короткие сроки. Таким образом, ученые оказались в очень неприятном положении, когда срыв заказов грозил им отправкой в лагерь. И вот тут, вероятно, сработал генетически и психологически отработанный механизм, когда человек, поставленный в безвыходное положение, ради собственного спасения начинает быстро и эффективно изобретать, отбрасывая все и всякие условности. Тогда немецкие ученые просто отбросили все устоявшиеся научные условности, правила и процедуры ради быстрых и реальных результатов. В итоге немецкая наука за двенадцать лет существования при нацистах дала такие открытия, которые только 50 — 70 лет спустя, в наше время получают свое практическое воплощение. Фактически, эффективность изолированной от остального мира науки Германии возросла на порядки. Остается задать вопрос: благодаря чему были получены фантастические результаты, какие внутренние механизмы и методы дали такой феномен?

Во-первых, эта наука отказалась от власти авторитета, мнения научного сообщества, обратившись к авторитету факта и эксперимента. А ведь именно давление научного авторитета в наше время сильно приостановило развитие даже естественных наук.

Во-вторых, вследствие первого условия исчезла пресловутая парадигма как общенаучная установка, заставляющая ученых воспринимать свою работу так, а не иначе, двигаясь туда же, куда и остальные и давать добытым фактам удобные для науки объяснения. В-третьих, ученые Германии начали охоту за любыми научными открытиями, дающими в итоге научный рост. Фактически, только там, в Германии 1934 — 1945 г.г. научный рост был естественным и ничем не ограничен. Он впервые стал естественным итогом существования науки!

Изменились сами формы и методы немецкой науки. Сейчас уже не секрет существование Аненербе, научного подразделения СС. Задача этой организации сводилась к решительному штурму границ научного знания, между знанием и непознанным. И они отвоевали у истории познание и давно забытое, добывая утерянные тайны древних цивилизаций. Интерес ру-

ководства Германии и Аненербе к мистике и стремление направить науку по пути мистических учений также принесли результаты. Ведь мистика обитает на границе научного знания и дальше, в непознанном.

Благодаря указанным предпосылкам немецкая наука смогла получить фантастические для своего времени достижения. Была сконструирована летающая «тарелка», первые ракеты, пси-оружие, зловещий доктор Менделе добился поразительных успехов в изучении биологии человека и многое другое. Но невозможно представить, что ученые любой другой страны в то же время смогли бы, во-первых, всерьез оценить технические достижения древних цивилизаций, и во-вторых, едва смогли бы их освоить.

Во-первых, это не позволил бы им сделать «прогресс», существующий в их головах как некий цензор, не пропускающий вредные для схоластической науки идеи. Во-вторых, это не позволила бы им сделать научную парадигму.

Наша наука давно стала косной и неповоротливой, ее можно сравнить с толстухой под двести килограммов, которой каждый шаг дается громадными усилиями. Сало не дает ей ни двигаться, ни жить. Но в данном примере оно символизирует все элементы и атрибуты научного консерватизма и научной схоластики. К последним ни в коем случае не относятся необходимые и зарекомендовавшие себя правила научного мышления и исследования, которыми тоже пользовались немецкие ученые того времени или великий Н. Тесла.

Этот одиночка вырвался далеко вперед, минимум на столетие по тем же причинам, характерным для немецкой науки времен Второй мировой войны. И главным условием его достижений стало именно его научное одиночество, отделенность от всей науки его времени. Он не играл по ее тяжеловесным правилам, которые не позволили бы ему высоко взлететь. Ему не нужны были научные степени, столь ценимые внутри научного сообщества, и положительные мнения коллег. Он добивался объективных, неоспоримых результатов и получил их.

Какие выводы можно сделать на примере Теслы и итогов развития немецкой науки 30–40 г.г.? Современная наука показывает нам как очередная ложная идея, как приманка? заманила общество в ловушку, выйти из которой несложно, если только признать ложной навязчивую идею, для чего требуются честность и мужество. Идея «прогресса» практически остановила движение научного знания. Вся проблема буксующей науки состоит в том, что она признала «прогресс» своим богом, т. е. полностью в него уверовала и тем самым она сама себя отрицает. А это признак системного кризиса!

Вера и познание несовместимы в принципе, хотя некоторые знаменитые ученые были верующими. Однако, они верили не в процессе научных занятий, но после них. Ироничная Англия по этому поводу оставила миру даже поговорку об отношениях такого рода: Наука делает шаг вперед — религия делает два шага назад. Но приходится признать, что сейчас мы наблюдаем как наука шагает назад.